

А. Ф. Ханова, Т. А. Больгина, О. В. Драгой

КОЭФФИЦИЕНТ ЭМОТИВНОСТИ «РОДНОЙ ЯЗЫК» В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕРЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ МОЩНОСТИ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2010 И 2020)¹

Исследуется особенность языковой ситуации РФ, при которой в социологических опросах и переписях населения респонденты указывают язык, которым они не владеют, родным. Данный феномен характеризует эмотивность родного языка и его особый символический статус, тесно связанный с этнической идентичностью. Вводится новый термин «коэффициент эмотивности», который определяет количественное соотношение людей, не владеющих, но указывающих язык в качестве родного. Усиление символического статуса языка и актуализация этнической идентичности тесно связаны с происходящими общественно-политическими событиями. Основной гипотезой исследования стало предположение о том, что языковой конфликт 2017–2018 гг. оказал влияние на коэффициент эмотивности миноритарных языков РФ. Проведенный статистический анализ с использованием линейной модели со смешанными эффектами на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020 гг. показал значимый положительный рост коэффициента эмотивности в 2020 г. Результаты исследования подтвердили влияние общественно-политических событий 2017–2020 гг. на подвижность конструкта этнической идентичности и связанной с ней символической мощности миноритарных языков РФ.

Ключевые слова: *родной язык, идентичность, Всероссийская перепись населения, миноритарный язык, символическая мощность языка, коэффициент эмотивности*

Введение

С одной стороны, миноритарные языки сегодня становятся уязвимее: проблемы жизнеспособности являются актуальными для многих языков России [1, с. 228]. С другой стороны, *этнический парадокс современности* заключается в том, что, несмотря на глобализационные процессы, в большинстве регионов мира происходит рост и усиление этнических чувств – процесс этнического возрождения [2, 3]. В структуре этнической идентичности язык является системообразующим элементом [4], при этом этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами группы, сколько с его символической ролью в формировании чувства родственности с группой и одновременно в процессах межгрупповой дифференциации [5, с. 75]. Семидесятилетняя советская история создала специфический феномен в соотношении языка и этнической идентичности: «Появление в современной России целого слоя граждан, не знающих родного языка, но ощущающих тем не менее свою принадлежность к тому или иному этносу, дает ученым право скорректировать тезис о языке как об облигаторном этнообразующем признаке» [6].

На сегодняшний день в различных регионах РФ при определении своей идентичности по национальному признаку типичным является фактическое незнание родного языка, но указание национального языка в качестве родного, а также двойная этническая и языковая идентификация [7, с. 21]. Социологические исследования также показывают особое отношение к родному языку: «Для населения родной язык представляет очевидный интерес и вмещает вполне обозримый набор определений “язык детства, семьи, родственников”, “язык постоянного пользования”, “национальный (этнический) язык”» [8, с. 143]. Таким образом, существующее противоречие между планом выражения (первый усвоенный в совершенстве язык) и планом содержания (национальный язык) формирует определенную эмотивность родного языка, при этом до настоящего времени эмоциональный аспект термина не подвергался специальному изучению.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

А. А. Сомин подчеркивает, что в научном дискурсе «родной язык многозначен и покрывает целое семейство терминов – этнический язык, титульный язык, основной язык, материнский язык, первый язык, среди которых есть как те, которые в определенных контекстах и у определенных авторов будут синонимами, так и те, которые могут обозначать разные явления, но при этом все могут быть заменены на зонтичный родной язык» [9, с. 14]. Важно, что эмоциональный контекст «родной язык», эквивалентный *'mother tongue'*, заменяется в англоязычной научной терминологии на нейтральные *'native language'* (язык, который усваивают в детстве и, как правило, владеют им в совершенстве), *'heritage language'* (язык своей культурно-этнической принадлежности), *'L1'* (первый язык, родной язык), в то время как российский термин агрегирует различные аспекты языка в одно понятие [10, с. 11]). Так, в «Словаре социолингвистических терминов» родной язык включает четыре определения: 1) материнский язык; 2) этнический язык; 3) функционально первый язык; 4) *национальный язык – язык любого народа РФ, кроме русского* [11, с. 187]. Последний пункт противоречит изменениям Федерального закона № 317 от 03.08.2018 [12], вследствие чего стал возможным выбор русского языка в рамках дисциплины «Родной язык». Следует отметить, что изменения Федерального закона «Об образовании» вызвали широкий общественный резонанс, получивший название «языковой конфликт» [13, с. 781].

Принятые поправки к Конституции РФ в 2020 г. постулируют идеологему «русский язык – язык государствообразующего народа», которая привела к конкуренции русского языка и этнических языков, воспринимаемых как родные [14, с. 118]. При этом конкуренция происходит не в пользу общенационального языка, что усиливает символическую роль родных языков как идеологических конструкторов. Кроме этого, «данное противопоставление сформировало и закрепило повседневные языковые практики и стало базовым для активистских дискурсов и идеологий этнических национализмов» [там же]. Таким образом, языковой активизм указывает на устойчивый тренд возрастания общественной ответственности за судьбу родного языка [13, с. 775; 15, с. 156]. При этом в связи с существующей языковой ситуацией родной язык предполагает еще одну форму существования – функционально второй язык – это ситуация языкового возрождения, характеризующаяся появлением «новых говорящих», к которому относится говорящий, овладевший языком, скорее всего, в среднем или старшем возрасте, но не в юности [16, с. 185].

В свою очередь, происходящие социальные и общественно-политические события оказывают влияние на этническую идентичность, которая является подвижным конструктором [17, с. 30]. Например, данные социологических исследований говорят о сокращении доли индифферентных к этнической идентичности калмыков в четыре раза в 2020 г. по сравнению с 2017 г. [18, с. 199]. Ц. Д. Манджиева подчеркивает, что «родной язык перестает быть функционально первым языком. Несмотря на это, большая часть калмыков считает родным языком язык народа, видя в нем символ этнической идентичности» [19, с. 168]. В Республике Татарстан «символическая ценность татарского языка как родного превосходит показатели самооценки владения им, в свою очередь, активность применения родного языка в повседневной жизни зримо уступает показателям владения языком» [20, с. 257]. В Кабардино-Балкарской Республике выбор родного языка строится и на символических, и на функциональных основаниях, таким образом, как отмечает Е. М. Арутюнова, существует двойственность в понимании родных языков – жесткая привязка языка к этничности сохраняется и превалирует, но присутствует и функциональное понимание языков [21, с. 149].

Наблюдаемая тенденция усиления символического статуса родного языка и интенсификации этнической идентичности обусловлена, на наш взгляд, общественно-политическими процессами 2017–2020 гг. Необходимость количественного измерения эмотивности возникает в контексте не только исследований национального самосознания, но и при проведении экспериментальных исследований с билингвами. Следствием игнорирования эмотивности родного языка как особого маркера самоидентификации возможна неверная интерпретация результатов

исследований. Таким образом, российский феномен родного языка определяет целесообразность изучения его эмоционального аспекта, в связи с этим мы предлагаем ввести в научный оборот термин «коэффициент эмотивности» (КЭ) для измерения символической мощности языка, который представляет, на наш взгляд, количественное соотношение людей, не владеющих национальным языком, но считающих его родным. Исходя из этого, целью данной работы является измерение КЭ родного языка на материалах Всероссийской переписи населения 2010 и 2020 гг. Мы предполагаем, что в контексте общественно-политической ситуации 2017–2020 гг. увеличилась символическая мощность родных (национальных) языков РФ. Таким образом, гипотеза данного исследования заключается в том, что КЭ во Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020 г. выше КЭ во Всероссийской переписи населения 2010 г.

Методы исследования

Участники

В исследовании анализировались данные, полученные по результатам Всероссийской переписи населения 2010 и 2020 годов [22, 23]. Во Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010) приняло участие 143 436 145 человек, из них 76 979 071 (53,8 %) женщин. Средний возраст 39,0 лет. Всероссийская перепись населения 2020 г. (ВПН-2020) содержит данные о 147 590 600 человек, из них 78 750 543 (53,5 %) женщин. Средний возраст 41,1 лет. В итоговый анализ вошли данные 15 951 122 (ВПН-2010) и 15 605 630 (ВПН-2020) человек, указавших родным языком автохтонные языки РФ.

Материалы

Исследование проведено на материале таблиц 5 и 8, т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство» (ВПН-2010) и таблицы 4 и 6, т. 5 «Национальный состав и владение языками» (ВПН-2020). Данные представлены количеством ответов на вопрос «Ваш родной язык» и «Какими иными языками Вы владеете». Следует отметить, что методология выбора родного языка в переписях существенно отличалась. В случае, когда респондент указывал несколько ответов в графе «Ваш родной язык» в ВПН-2010 «для лиц, назвавших родным два и более языка, указывался один из них *по выбору опрашиваемого*» [24]. В ВПН-2020 «при указании двух и более родных языков <...> приведено распределение населения <...> по *первому из указанных родному языку*» [25].

В настоящий анализ были включены только автохтонные языки РФ, за исключением русского, что обусловлено его социолингвистическим статусом – мажоритарным по отношению к миноритарным национальным языкам. Таким образом, в анализ были включены 74 автохтонных языка РФ, вошедшие в ВПН-2010 и ВПН-2020. Двадцать языков были исключены из анализа по причине отсутствия данных в ВПН-2010: алыторский, гинухский, ительменский, караимский, керекский, кетский, нганасанский, негидальский, нивхский, ногайско-карагашский, орочский, удэгейский, уйльта, ульчский, чулымско-тюркский, энецкий, эскимосский, югский, юитский, юртовско-татарский. Также из анализа был исключен крымско-татарский язык – в 2010 г. Крым не входил в состав Российской Федерации. Количественные данные были сгруппированы отдельно для ВПН-2010 и ВПН-2020. Каждый национальный язык включал сведения по количеству респондентов, указавших его родным языком и языком владения. Анализ проводился с использованием пакета *lme4* [26] статистического программного обеспечения R, версия 4.2.2 [27].

Статистический анализ

Ввиду специфики объекта исследования – количество носителей языка – мы не удаляли выбросы внутри каждой выборки. Тест Шапиро-Уилка показал, что данные распределены ненормально ($p < 0,001$), поэтому при анализе применялась трансформация Йео-Джонсона [28], позволяющая преобразовать данные с нулевыми и отрицательными значениями к нормальному распределению.

КЭ подсчитан по формуле: количество респондентов, указавших язык родным, минус количество респондентов, указавших его языком владения. Таким образом, подсчитанный КЭ выражал количественное отношение респондентов, указавших язык в качестве родного, но не владеющих им. Далее мы агрегировали данные ВПН-2010 и ВПН-2020 и построили линейную модель со смешанными эффектами для того, чтобы учесть случайные эффекты, связанные с измерениями по разным языкам. В модели зависимой переменной был КЭ, основным предиктором – год переписи, а также был учтен случайный эффект языка: $MI \sim lmer(KЭ \sim год + (1|язык))$.

Результаты

Линейная модель со случайным эффектом показала значимый положительный эффект года – $p < 0,01$ (см. таблицу): КЭ стал выше в 2020 г.

Модель со случайным свободным коэффициентом

<i>Predictors</i>	Коэффициент эмотивности		
	<i>Estimates</i>	<i>CI</i>	<i>p</i>
Intercept	44,37	32,03 – 56,70	< 0,001
Год	17,06	9,18 – 24,93	< 0,001
RandomEffects			
σ^2	587,92		
$\tau_{00 language}$	2295,30		
ICC	0,80		
$N_{language}$	74		
Observations	148		
Marginal R^2 / Conditional R^2	0,025 / 0,801		

Следует отметить, что национальные языки РФ имеют различный КЭ. На рисунке в качестве примера показано, насколько изменился КЭ за 10 лет для башкирского, калмыцкого и якутского языков.

Изменение КЭ с 2010 по 2020 год для башкирского, калмыцкого и якутского языков

Башкирский и якутский языки показывают положительную динамику увеличения КЭ и символической мощности, при этом следует отметить, что в 2010 г. КЭ башкирского языка

имел отрицательное значение, т. е. количество носителей, указавших родным языком башкирский, было меньше количества носителей, владеющих им, на 1 954 человека. КЭ калмыцкого языка демонстрирует снижение в 2020 г. по сравнению с 2010 г. на 26 196 человек, в то же время положительное значение КЭ говорит о высокой символической мощности калмыцкого языка.

Дискуссия

Гипотеза об увеличении КЭ в ВПН-2020 по сравнению с ВПН-2010 была проверена применением линейной модели со смешанными эффектами. Результаты показывают статистически значимое увеличение КЭ в 2020 г., что говорит об увеличении символической мощности национальных языков РФ и актуализации этнической идентичности.

Следует отметить, что содержание понятия «родной язык» на протяжении нескольких десятилетий менялось. Впервые в российских переписях пункт о родном языке, который используется в повседневной жизни, появляется в Первой всеобщей переписи населения 1897 г., где родным языком воспринимался язык, который опрашиваемый сам считал своим родным. В переписи 1920 г. родным языком считался уже разговорный язык семьи, а в переписи 1926 г. – разговорный язык опрашиваемого [29, с. 67]. Вариативность в понимании родного языка наблюдается в сознании граждан РФ и сегодня, при этом родной язык, теряя функциональный статус и переставая быть языком владения, приобретает символический статус, выступая в роли связующего элемента с семьей, родом и этносом.

Полученные в данной работе результаты исследования имеют большое значение для социальных наук и экспериментальных исследований. Во-первых, с точки зрения социолингвистики, «значительную роль в сохранении языкового разнообразия играет отношение к родным этническим языкам жителей страны» [30, с. 20]. Исследования такого рода позволяют расширить методологию социолингвистического прогнозирования, так как «в оценке витальности языка значима его символическая мощность» [31, с. 11]. Коэффициент эмотивности в данном случае выступает индикатором престижа языка, когда родной язык воспринимается как особая культурная ценность и тесно связан с понятием «потребность в языке» (*‘language need’*) – потребность в повышении статуса миноритарного по отношению к окружающему социуму родного языка малых народов [32]. Кроме этого, «потребность в языке» исследуется в социолингвистике в контексте эмоциональной значимости «когда родители передают детям миноритарный язык посредством овладения языковыми навыками (словарный запас, грамматика, семантика), но им не всегда удается привить своим детям эмоциональное осознание его значимости» [33]. Как подчеркивают исследователи, преодоление родителями противоречий между языковой политикой мажоритарного языка и внутрисемейной установкой к миноритарному языку необходимо для формирования у детей позитивного отношения к национальному языку и тесно связано с языковыми идеологиями (*‘language ideologies’*) – установившимися традициями, влияющими на выбор языка в тех или иных ситуациях общения. Такого рода практики оказывают влияние и на семейную языковую политику (*‘family language policy’*), в том числе на реализацию билингвизма в семье, и необходимы для витальности миноритарного языка [34, с. 917].

Во-вторых, коэффициент эмотивности дает представление о национальном самосознании и тех латентных социальных процессах, которые происходят в ответ на государственные инициативы в сфере национальной политики и образования. Неудовлетворенность языковой политикой, сужающей функциональность национальных языков, наблюдается и у молодого поколения: «молодежь (саха), признавая значимой ценность родного (этнического) языка, отмечает недостаточный уровень его институционального развития» [35, с. 109]. Кроме этого, замеры общественного мнения по языковой теме – важный предиктор этнических и межэтни-

ческих процессов. Для таких исследований символическая значимость языка в этничности исключительно важна, в том числе сейчас, когда последствия изменений языковой политики в школьном образовании ощущаются в активистских средах как сложные или болезненные [21, с. 152].

В-третьих, проведение экспериментальных исследований с участием билингвов должно осуществляться с учетом эмотивной значимости родного языка и региональной специфики. К примеру, как подчеркивает М. Ю. Донежук, «язык является одним из наиболее часто упоминаемых характеристиках “адыгскости”» [36, с. 76]. Поэтому анкеты с вопросами о демографии и родном языке участников исследования должны дополняться сведениями их языковой биографии. Использование расширенных опросников-самоотчетов LEAP-Q [37] и его аналогов позволит определить билингвальный профиль участников исследования при делении выборки на группы с доминантным и недоминантным языком владения. Несмотря на то, что опросники-самоотчеты относятся к субъективным методам оценки языковой компетенции, в контексте многозначности термина «родной язык» использование такого рода методологии рационально, так как данные LEAP-Q предоставляют исследователю объективную картину по усвоенному первому языку.

Следует отметить, что данное исследование не учитывало количество людей, не указавших родной язык, которое увеличилось в ВПН-2020 (16,6 млн чел.) по сравнению с ВПН-2010 (4,5 млн чел.) так же, как увеличилось количество людей, не указавших национальную принадлежность – 16,5 млн (ВПН-2020) и 5,8 млн (ВПН-2010) человек соответственно. Причинами могут быть как технические недочеты проведения переписи (через электронную систему «Госуслуги»), так и сознательный отказ [38, с. 36]. При этом результаты статистического анализа показывают, что «о значительной части населения перепись дала сведения только о дате рождения и поле живущих» [39, с. 11]. Однако количество людей, указавших родным автотонные миноритарные языки РФ, в обеих переписях эквивалентно – 15,9 млн (ВПН-2010) и 15,8 млн (ВПН-2020) человек. Кроме этого, формулировки двух вопросов языкового блока ВПН-2010 и ВПН-2020 идентичны, поэтому мы предполагаем, что проведенный статистический анализ является обоснованным, а предложенный термин «коэффициент эмотивности» – целесообразным.

Сравнение результатов Всероссийской переписи населения имеет некоторые ограничения, связанные, как отмечает А. А. Сокин, с тем, что «разные формулировки вопросов и разные инструкции для переписчиков не позволяют в полной мере сравнивать между собой результаты разных переписей: переписей 2010 и 2002 гг., российских переписей и советских или же переписей в разных постсоветских государствах. Эти проблемы в совокупности с многозначностью родного языка <...> делают результаты практически несводимыми» [9, с. 15]. Кроме этого, результаты ВПН-2020 до сих пор активно подвергаются критике, при этом, как отмечает Е. М. Андреев и Е. В. Чурилова, «точность данных о населении по переписи 2021 г. не ниже, чем полученных в переписях 2002 и 2010 гг., однако результаты переписи 2021 г. должны быть скорректированы» [39, с. 4]. Принимая во внимание данные ограничения, следует отметить, что проведение лонгитюдных социолингвистических изысканий с охватом всех национальных языков РФ представляется проблематичным ввиду территориальных и климатических особенностей страны. Поэтому Всероссийская перепись населения является на сегодняшний день единственным масштабным исследованием этнолингвистического ландшафта России.

Заключение

В последнее десятилетие проблема многозначности термина «родной язык» становится объектом пристального внимания исследователей. В данной работе впервые была предпринята попытка количественного измерения эмотивности родного языка и статистического анализа

на материале двух Всероссийских переписей населения. Символическая функция языка является одной из его четырех основных этносоциальных функций [40, с. 425]. Гипотеза данного исследования об изменении коэффициента эмотивности в ВПН-2020 по сравнению с ВПН-2010 подтвердилась, что подкрепляет тезис об изменчивости конструкта этнической идентичности в зависимости от общественно-политических событий. Язык, будучи системообразующим элементом в структуре этнической идентичности, оказывает на нее непосредственное влияние – усиление символического статуса языка приводит к интенсификации этнической идентичности. При этом уникальность российской ситуации заключается в сложившемся противоречии между планом выражения и планом содержания – статус родного языка присваивается этническому языку на символическом основании. Дальнейшие исследования эмотивности родного языка позволяют расширить социолингвистический инструментарий прогнозирования и оценки витальности языка в контексте его демографической и коммуникативной мощности, а также дополнит социологический анализ этнической самоидентификации при замерах общественного мнения.

Список источников:

1. Mikhalchenko V. Yu., Kondrashkina E. A., Kirilenko S. V. Language vitality of the people of Russia // Proceedings of SOCIOINT 2019 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities. 24–26 June 2019. Istanbul, Turkey. P. 227–231.
2. Бирюков А. М. Глобализация и национальная идентичность. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=68081> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Марусенко М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: Научно-политическая книга, 2015. 575 с.
4. Gudykunst W. B., Schmidt K L. Language and ethnic identity: An overview and prologue // Journal of Language and Social Psychology. 1987. Vol. 6. No. 3-4. P. 157–170. doi: 10.1177/0261927X8763001.
5. Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности. Вопросы психологии. 1997 № 4. С. 75–86.
6. Хилханова Э. В. Язык и этническая идентичность национальных меньшинств в современной России. 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/khilkhanova-02.html> (дата обращения: 10.12.2023).
7. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Балясникова О. В., Полянская А. Г., Разумкова А. В., Свинчукова Е. Г., Степанова А. А. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2017. 240 с.
8. Степанов В. В. Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / под ред. М. Ю. Мартыновой, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2019. С.140–154.
9. Сомин А. А. О неоднозначности понятия «родной язык» // Родной язык как фактор культурной идентичности: материалы Межрегиональной научно-практ. конф. с международным участием, г. Ижевск, 24–25 мая 2021 г. / сост. Е. В. Егорова. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики, 2021. С.11–19.
10. Ханова А. Ф. Гипероним «родной язык»: противоречия и проблемы // Российская психолингвистика: итоги и перспективы: материалы XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 116–117.
11. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.
12. Федеральный закон от 3.08.18 № 317 «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/ (дата обращения: 10.12.2023).
13. Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 756–815.
14. Арутюнова Е. М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С.111–123.
15. Нигматуллина Т. А. Этнокультурная кодификация множественной региональной идентичности. М.: NOTABENE, 2021. 207 с.
16. Кириленко С. В. Типы говорящих // Социолингвистика. 2021, № 1(5). С.182–191.
17. Мухлынкина Ю. В. К вопросу формирования этнической идентичности // Научный вестник МГТУ ГА. 2015. № 215. С. 27–33.

18. Намруева Л. В. Изменяющаяся идентичность современных калмыков (анализ анкетных опросов 2017, 2020 гг. в Калмыкии) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 196–203.
19. Манджиева Ц. Д. Родной язык современных калмыков (по материалам социолингвистического исследования) // Социолингвистика. 2021, № 1(5). С. 164–174.
20. Низамова Л. Р. Языковые компетенции, установки и поведение татар в Татарстане и регионах Сибири // Философия, социология, право: традиции и перспективы: сб. научных тр. Всерос. научной конф., посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН, Новосибирск, 19–20 ноября 2020 г. / под ред. М. Н. Вольф. Новосибирск: Офсет ТМ, 2020. С. 256–259.
21. Арутюнова Е. М. Языковая сфера в Кабардино-Балкарской Республике в массовом общественном мнении: состояние и потенциальные проблемы во взаимодействиях // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 3 (55). С. 144–154.
22. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 10.12.2023).
23. Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 10.12.2023).
24. Методологические пояснения. Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство». URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/metod4.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
25. Методологические пояснения. Всероссийская перепись населения 2020. Т. 5 «Национальный состав и владение языками». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/T%D0%BEm5_Met_VPN-2020.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
26. Bates D., Maechler M., Bolker B. Fitting linear mixed-effects models using lme4 // Journal of Statistical Software. 2015. Vol. 67. No. 1. P. 1–48. doi: 10.18637/jss.v067.i01
27. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2022. URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения: 10.12.2023).
28. Yeo In-Kwon J., Richard A. A New Family of Power Transformations to Improve Normality or Symmetry. Biometrika. 2000. Vol. 87. No 4. P. 954–959. doi: 10.1093/biomet/87.4.954
29. Бушуев А. С., Габдрахманова Г. Ф., Загидуллин И. К., Измайлов Б. И. Татары в переписях населения / отв. ред. Б. И. Измайлов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 76 с.
30. Михальченко В. Ю. Родной язык в контексте языковой политики в России // Языковая политика в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы: сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. / под общ. ред. М. А. Омарова, Н. М. Мухарямова. Москва, 2022. С. 18–31.
31. Биткеева А. Н., Вингендер М., Михальченко В. Ю. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 6–23. doi: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1
32. Марцинковская Т. Д., Солодникова И. В. Трансформации социокультурной и лингвистической идентичности в процессе социализации в мультикультурной среде. Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 4. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/download/315/581> (дата обращения: 10.12.2023).
33. Mohr B. K. Emotional salience in minority language transmission: How minority language-speaking parents are caught between emotional and pragmatic needs. // Oral presentation at Conference on Multilingualism (COM2021), University of Konstanz, Germany, 23–25 June 2021.
34. King K. A., Folge L., Logan-Terry A. Family language policy. Language and linguistics compass. 2008. Vol. 2 No. 5. P. 907–922. doi: 10.1111/j.1749-818X.2008.00076.x
35. Иванова Н. И. Этноразноязыковая идентичность молодежи саха в контексте включенности родных (этнических) языков молодежи других субъектов РФ в образы будущего // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2023. Вып. 2 (40). С. 100–113. doi: 10.23951/2307-6119-2023-2-100-113.
36. Донежук М. Ю. Этническая идентичность адыгов (по материалам исследования 2021 года). Известия СОИГСИ. 2022, № 43. С. 70–81.
37. Kaushanskaya M., Blumenfeld H. K., Marian V. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later. Biling (Camb Engl). 2020. Vol. 23. No 5. P. 945–950. doi: 10.1017/s1366728919000038
38. Полунов А. Ю. Надэтническое самосознание и перспективы развития гражданской идентичности в России: материалы Всерос. стратегической сессии по укреплению общероссийской гражданской идентичности. Т. 1. Москва, 2023. С. 35–40.
39. Андреев Е. М., Чурилова Е. В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет. Демографическое обозрение. 2023. Т. 10 № 3. С. 4–20. doi: 10.17323/demreview.v10i3.17967
40. Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2016. 872 с.

Ханова Айгуль Филусовна.
Научный сотрудник Центра языка и мозга.
Высшая школа экономики.
Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000.
E-mail: aigulkhanova1985@gmail.com

Большина Татьяна Александровна.
Младший научный сотрудник Центра языка и мозга.
Высшая школа экономики.
Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000.
E-mail: tatyana.bolgina@gmail.com

Драгой Ольга Викторовна.
Директор Центра языка и мозга.
Высшая школа экономики.
Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000.
E-mail: odragoy@hse.ru
Ведущий научный сотрудник Отдела экспериментальных исследований речи.
Институт языкознания РАН.
Большой Кисловский пер. 1, стр. 1, Москва, 125009.
E-mail: dragoy@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 9 января 2024 г.

A. F. Khanova, T. A. Bolgina, O. V. Dragoy

THE COEFFICIENT OF EMOTIVENESS OF «MOTHER TONGUE» IN THE CONTEXT OF MEASURING THE SYMBOLIC POWER OF MINORITY LANGUAGES IN THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON THE RUSSIAN CENSUS DATA FROM 2010 TO 2020)²

This study examines a linguistic situation in Russia, focusing in particular on the phenomenon of respondents in sociological surveys and Russian censuses reporting the language they do not actually speak as their mother tongue. This phenomenon emphasizes the emotional significance of the Russian term ‘mother tongue’ and its unique symbolic status. The authors introduce a new term, the ‘coefficient of emotiveness,’ which quantitatively measures the proportion of people who do not speak the language but describe it as their mother tongue. At the same time, the strengthening of ethnic identity and the increasing importance of a language as a symbol are influenced by socio-political changes. The study’s main hypothesis is that the language conflict of 2017–2018 impacted the emotional significance of minority languages in the Russian Federation. A linear mixed-effects model based on the 2010 and 2020 Russian census data revealed a significant positive increase in the coefficient of emotiveness in 2020. Our research confirms that the 2017–2020 socio-political context influenced the ethnic identity and symbolic meaning of minority languages in Russia

Keywords: *mother tongue, identity, Russian census, minority language, symbolic power of language, coefficient of emotiveness*

References:

1. Mikhalchenko V. Yu., Kondrashkina E. A., Kirilenko S. V. Language vitality of the people of Russia. Proceedings of SOCIOINT 2019 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities. 24–26 June 2019. Istanbul, Turkey. P. 227–231.
2. Biryukov A. M. Globalizaciya i nacional'naya identichnost' [Globalization and national identity]. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=68081> (access: 10.12.2023) (in Russian).
3. Marusenko M. A. Yazyki i nacional'naya identichnost': sovremennye vyzovy nacional'nomu edinstvu i territorial'noj celostnosti [Languages and national identity: modern challenges to national unity and territorial integrity]. M.: Nauchno-politicheskaya kniga, 2015. 575 p. (in Russian).

---

² The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the National Research University (HSE University).

4. Gudykunst W. B., Schmidt K. L. Language and ethnic identity: An overview and prologue // *Journal of Language and Social Psychology*. 1987. Vol. 6. No. 3-4. P. 157–170 (in Russian). doi: 10.1177/0261927X8763001
5. Doncov A. I., Stefanenko T. G., Utalieva Zh. T. Yazyk kak faktor etnicheskoy identichnosti [Language as a factor of ethnic identity]. *Voprosy psihologii*. 1997. No. 4. P. 75–86 (in Russian).
6. Hilhanova E. V. Yazyk i etnicheskaya identichnost' nacional'nyh men'shinstv v sovremennoj Rossii [Language and Ethnic Identity of National Minorities in Modern Russia]. 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/khilkhanova-02.html> (access: 10.12.2023) (in Russian).
7. Ufimceva N. V., Cherkasova G. A., Balyasnikova O. V., Polyanskaya A. G., Razumkova A. V., Svinchukova E. G., Stepanova A. A. Regional'noe yazykovoe soznanie komi, russkih, tatar: problemy vzaimovliyaniya [Regional linguistic consciousness of Komi, Russians, Tatars: problems of mutual influence]. Pod red. N. V. Ufimcevoj. M.: Yaroslavl': Izdatel'stvo «Kancler», 2017. 240 p. (in Russian).
8. Stepanov V. V. Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya Rossii [Measuring Cultural Diversity in Russia]. *Yazykovaya situaciya, perepisi, polevaya etnostatistika* / red. Martynova M. Yu., Stepanov V. V. M.: IEA RAN, 2019. P. 140–154 (in Russian).
9. Somin A. A. O neodnoznachnosti ponyatiya «rodnoj yazyk». Rodnoj yazyk kak faktor kul'turnoj identichnosti [Native language as a factor of cultural identity]. *Mezhregional'naya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem, g. Izhevsk, 24–25 maya 2021 goda* / sost. E. V. Egorova. Izhevsk: Nacional'naya biblioteka Udmurtskoj Respubliki, 2021. P.11–19 (in Russian).
10. Hanova A. F. Giperonim «rodnoj yazyk»: protivorechiya i problemy [The umbrella term «native language»: contradictions and problems]. *Rossijskaya psiholingvistika: itogi i perspektivy: materialy XX Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikacii, Moskva, 27–28 maya 2022 g.* M.: Iz-vo RUDN, 2022. P. 116–117 (in Russian).
11. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. M., 2006. 312 p. (in Russian).
12. Federal'nyj zakon ot 3.08.18 No. 317 «O vnesenii izmenenij v stat'i 11 i 14 Federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Concerning the Introduction of Amendments to Articles 11 and 14 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation»]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/ (access 10.12.2023) (in Russian).
13. Hilhanova E. V. Lyudi v yazykovej politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sociolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoj Evropy) [People in language policy: theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)] // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.3. P. 756–815 (in Russian).
14. Arutyunova E. M. Russkij yazyk v rossijskoj identichnosti: teoreticheskie podhody i aktual'nyj kontekst [Russian Language in Russian Identity: Theoretical Approaches and Current Context] *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2021. Vol. 9. No.1. P.111–123 (in Russian).
15. Nigmatullina T. A. Etnokul'turnaya kodifikaciya mnozhestvennoj regional'noj identichnosti [Ethnocultural codification of multiple regional identities]. M.: NOTA BENE, 2021. 207 p. (in Russian).
16. Kirilenko S. V. Tipy govoryashchih [Speaker types] // *Sociolingvistika*. 2021, No. 1(5). P.182–191 (in Russian).
17. Muhlynkina Yu. V. K voprosu formirovaniya etnicheskoy identichnosti [On the formation of ethnic identity] // *Nauchnyj vestnik MGTU GA*. 2015. No. 215. P. 27–33 (in Russian).
18. Namrueva L. V. Izmenyayushchayasya identichnost' sovremennyh kalmykov (analiz anketnyh oprosov 2017, 2020 gg. v Kalmykii) [The changing identity of modern Kalmyks (2017, 2020 surveyanalysis in Kalmykia)] // *Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN*. 2020. No. 1. P. 196–203 (in Russian).
19. Mandzhieva C. D. Rodnoj yazyk sovremennyh kalmykov (po materialam sociolingvisticheskogo issledovaniya) [Mother tongue of modern Kalmyks (a sociolinguistic study)] // *Sociolingvistika*. 2021. No. 1(5). P. 164–174 (in Russian).
20. Nizamova L. R. Yazykovye kompetencii, ustanovki i povedenie tatar v Tatarstane i regionakh Sibiri [Language competences, attitudes and behavior of Tatars in Tatarstan and Siberian regions.]. *Filosofiya, sociologiya, pravo: tradicii i perspektivy: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 30-letiyu Instituta filosofii i prava SO RAN, Novosibirsk, 19–20 noyabrya 2020 g.* Pod red. M. N. Vol'f. Novosibirsk: Ofset TM, 2020. P. 256–259 (in Russian).
21. Arutyunova E. M. Yazykovaya sfera v Kabardino-Balkarskoj Respublike v massovom obshchestvennom mnenii: so-stoyanie i potencial'nye problemy vo vzaimodejstviyakh [The language sphere in the Kabardino-Balkar Republic in the mass public opinion: condition and potential problems in interactions] // *Gumanitarnij yuga Rossii*. 2022. Vol. 11. No. 3 (55). P. 144–154 (in Russian).
22. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda [Russian Census 2010]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (access: 10.12.2023) (in Russian).
23. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 goda [Russian Census 2020]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (access: 10.12.2023) (in Russian).

24. Metodologicheskie poyasneniya. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010. T. 4 «Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo» [Methodological explanations of Russian Census 2010. Vol. 4: «National Composition and Language Proficiency, Citizenship»]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/metod4.pdf (access 10.12.2023).
25. Metodologicheskie poyasneniya. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020. Tom 5 «Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami» [Methodological explanations of Russian Census 2020. Vol. 5: «National Composition and Language Proficiency»]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/T%D0%BEm5_Met_VPN-2020.pdf (access 10.12.2023).
26. Bates D., Maechler M., Bolker B. Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of Statistical Software*. 2015. Vol. 67. No. 1. P. 1–48. doi: 10.18637/jss.v067.i01
27. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2022. URL: <https://www.R-project.org/> (access 10.12.2023).
28. Yeo In-Kwon J., Richard A. A New Family of Power Transformations to Improve Normality or Symmetry. *Biometrika*. 2000. Vol. 87. No 4. P. 954–959. doi: 10.1093/biomet/87.4.954.
29. Bushuev A. S., Gabdrahmanova G. F., Zagidullin I. K., Izmajlov B. I. Tatory v perepisyah naseleniya [Tatars in Russian censuses]. *Otv. red. B. I. Izmajlov. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT*, 2021. 76 p. (in Russian).
30. Mihal'chenko V. Yu. Rodnoj yazyk v kontekste yazykovoj politiki v Rossii [Native language in the context of language policy in Russia]. *Yazykovaya politika v Rossii: urovni, praktiki, ekspertno-analiticheskie mekhanizmy: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshchej redakciej M. A. Omarova, N. M. Muharyamova. Moskva, 2022. P. 18–31* (in Russian).
31. Bitkeeva A. N., Vingender M., Mihal'chenko V. Yu. Prognozirovaniye i yazykovoje mnogoobrazie v Rossijskoj Federacii: sociolingvisticheskiy aspekt [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 2019. Vol. 18. No. 3. P. 6–23 (in Russian). doi: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1
32. Marcinkovskaya T. D., Solodnikova I. V. Transformacii sociokul'turnoj i lingvisticheskoj identichnosti v processe socializacii v mul'tikul'turnoj srede [Transformation of sociocultural and linguistic identity in the process of socialization in a multicultural environment]. *Psihologicheskie issledovaniya*. 2018. Vol. 11. No. 58. P. 4. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/download/315/581> (access: 10.12.2023) (in Russian).
33. Mohr B. K. Emotional salience in minority language transmission: How minority language-speaking parents are caught between emotional and pragmatic needs. Oral presentation at Conference on Multilingualism (COM2021), University of Konstanz, Germany, 23–25 June 2021.
34. King K. A., Folge L., Logan-Terry A. Family language policy. *Language and linguistics compass*. 2008. Vol. 2 No 5. P. 907–922. DOI: 10.1111/j.1749-818X.2008.00076.x
35. Ivanova N. I. Etnoyazykovaya identichnost' molodezhi saha v kontekste vklyuchennosti rodnih (etnicheskih) yazykov molodezhi drugih sub'ektov RF v obrazy budushchego [The ethnolinguistic identity of the youth of sakha in connection with the inclusion of the mother tongue of the youth of other subjects of the Russian Federation in the images of the future] // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2023. Issue 2 (40). P. 100–113 (in Russian). doi: 10.23951/2307-6119-2023-2-100-113
36. Donezhuk M. Yu. Etnicheskaya identichnost' adygov (po materialam issledovaniya 2021 goda) [Ethnic identity of the Adyghes (by the 2021 research)]. *Izvestiya SOIGSI*. 2022. No. 43. P. 70–81 (in Russian).
37. Kaushanskaya M., Blumenfeld H. K., Marian V. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later. *Biling (Camb Engl)*. 2020. Vol. 23. No 5. P. 945–950. doi: 10.1017/s1366728919000038
38. Polunov A. Yu. Nadetnicheskoe samosoznanie i perspektivy razvitiya grazhdanskoj identichnosti v Rossii [Supra-ethnic self-consciousness and prospects for the development of civic identity in Russia]. *Materialy Vserossijskoj strategicheskoy sessii po ukrepleniyu obshcherossijskoj grazhdanskoj identichnosti*. Vol. 1. Moskva, 2023. P. 35–40 (in Russian).
39. Andreev E. M., Churilova E. V. Rezul'taty Vserossijskoj perepisi naseleniya 2021 goda v svete statistiki tekushchego ucheta naseleniya i perepisej predydushchih let [The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years] // *Demograficheskoe obozrenie*. 2023. Vol. 10. No. 3. P. 4–20 (in Russian). doi: 10.17323/demreview.v10i3.17967.
40. Yazyk i obshchestvo [Language and society]. *Enciklopediya. M.: Izdate'skij centr «Azbukovnik»*, 2016. 872 p. (in Russian).

Khanova Aigul Filusovna.

Research Fellow at the Center for Language and Brain.

Higher School of Economics.

Krivokolenny per., 3, Moscow, Russia, 101000.

E-mail: aigulkhanova1985@gmail.com

Bolgina Tatyana Aleksandrovna.

Junior Research Fellow at the Center for Language and Brain.

Higher School of Economics.

Krivokolenny per., 3, Moscow, Russia, 101000.

E-mail: tatyana.bolgina@gmail.com

Dragoy Olga Victorovna.

Director of Center for Language and Brain.

Higher School of Economics.

Krivokolenny per., 3, Moscow, Russia, 101000.

E-mail: odragoy@hse.ru

Leading Researcher at the Department of Experimental Study of Speech.

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Bolshoy Kislovsky lane 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: dragoy@iling-ran.ru